

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Марии СПАССКОЙ в серии
«Артефакт & Детектив»:**

Роковой оберег Марины Цветаевой

Кукла крымского мага

Безумный поклонник Бодлера

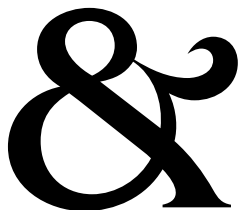
Черная луна Мессалины

Магическая трубка Конан Дойла

Серьга удачи знаменитого сыщика Видока

Волшебный фонарь Сальвадора Дали

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Мария СПАССКАЯ

Волшебный
фонарь
Сальвадора Дали

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С71

Оформление серии *С. Курбатова*

Спасская, Мария.

С71 Волшебный фонарь Сальвадора Дали / Мария Спасская. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-89318-8

Молодой миллионер Прохор Биркин решил приобрести на аукционе занятную вещицу — волшебный фонарь Сальвадора Дали, игрушку с движущимися картинками, на которых русская красавица катилась в санях-тройке по заснеженной дороге. Великий сюрреалист считал этот фонарь своим талисманом и видел в изображенной на нем девушке воплощение Галы, своей жены и музы русского происхождения. Но раритет был украден прямо с аукциона, и обвинили в этом преступлении студентку Лору, выносившую лоты. А вскоре был убит профессор-искусствовед, который устроил ее подработать на аукционе. Прохор, привыкший, что все его желания исполняются, решил отыскать фонарь, пока не подозревая, что игрушка нашла нового владельца, такого же безумного гения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Спасская М., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89318-8

1912 год,
Ярославская губерния

*С*итуация была безвыходная. Графиня Татьяна Андреевна вновь пересчитала деньги — одиннадцать рублей. И это все, что осталось от семисот двадцати пяти целковых, отложенных на уплату банку по закладным. Пересчитала и, протяжно вздохнув, прижалась лбом к холодному стеклу. За окном в сгущавшихся ранних сумерках белели присыпанные снегом яблони, темнела знакомая с детства беседка, и, позвякивая цепью, глухо лаял старый лохматый Барон.

Невозможно было и представить, что этот старинный усадебный дом, и сад, и сорок десятин земли принадлежат их семье последние дни. Село Привольное неминуемо уйдет за долги, как ушли с легкой руки графа усадьба Каменевка и Старо-Архангельское. Разве могла графиня подумать, отправляясь на пару недель к сестре в Питер, что, вернувшись в свое имение, застанет все в таком виде? Резко обернувшись, Татьяна Андреевна обвела сердитым взглядом темный парадный зал со следами многодневной попойки и с ненавистью уставилась на похрапывающего на диване мужа.

Александр, воспользовавшись отсутствием супруги, устроил совершенный бедлам.

Едва подъехав к усадьбе и увидев в будке вместо старого верного Барона свернувшегося на снегу урядника, графиня сразу же почувствовала неладное. Урядник спал, и спал настолько крепко, что не проснулся даже от топота прогарцевавших мимо наемных лошадей, доставивших Татьяну Андреевну со станции в Привольное. Дворня отчего-то жалась по углам, и встречать хозяйку вышел только заспанный мальчишка с кухни. Удивляясь, отчего среди белого дня наступило сонное царство, графиня прошла в дом и чуть не споткнулась о распластавшегося на пороге дьякона из соседнего Расторгуева. Несмотря на ужасающий холод и сквозняки, гуляющие по нетопленным комнатам, духовное лицо посапывало на полу в дезабилье, подложив под голову скомканную рясу.

Перешагнув через спящего гостя, хозяйка прошла сквозь буфетную с начисто опустошенными шкафами, брезгливо окинула взглядом привалившегося в беспмятстве к стене приказчика Тихона в несвежей нижней рубахе и в засаленном котелке. Пытаясь найти мужа среди анфилады комнат, графиня перешагивала через катающиеся по полу пустые бутылки и прикрывала нос надушенным платком — запах перегара был так густ, что его, казалось, можно было резать ножом. Повсюду на темной лаковой мебели валялись предметы туалета и стояли тарелки с обѣдками и полупустые хрустальные бокалы.

Мужа Татьяна Андреевна обнаружила в парадном зале. Одетый во фракную пару, граф стоял перед огромным, во весь простенок, разбитым зеркалом, переступая босыми ногами по битому стеклу и рассматривая свое изображение в уцелевший зеркальный осколок, бивнем мамонта свисающий с массивной золоченой рамы. На левой руке его была надета желтая замшевая перчатка, а другой рукой, без перчатки, граф держал коллекционную дамасскую саблю, одну из тех, что в живописном беспорядке были развешаны на стенах его кабинета. Еще не заметив появления жены, граф размахнулся и рубанул по остаткам зеркала, едва успев вернуться от рухнувшей из рамы острозубой машины. Негромко выругавшись, Александр обернулся и только тогда увидел графиню.

— Татьяна Андреевна! — обрадовался он. — Как вовремя! Душа моя, такое горе! Деньги в доме совершенно закончились. Не будьте букой, пошлите за шампанским!

— Где Вера? — сухо осведомилась графиня Каменева.

— Гостит у этой. У своей. Курсистки Сонечки, — промямлил граф, приближаясь к дивану и медленно оседая на него, точно ослабев от беседы с женой.

Стараясь держать себя в руках, Татьяна Андреевна развернулась и, предвидя катастрофу, устремилась к кабинету. По пути она заглянула в людскую, распорядилась протопить дом, отправить гостей восвояси и послать к соседям за доче-

рю. Распахнув дверь кабинета, графиня сразу же направилась к столу и, выдвинув нижний ящик, достала то, что осталось от отложенных на оплату векселей денег. Одиннадцать рублей! И это все?

Зажав в кулаке оставшиеся деньги, помещица заторопилась обратно, к Александру, желая получить разъяснения. Но супруг уже спал на диване, прижав к груди саблю и сверкая в отблесках свечи битым стеклом на босых ступнях. Пройдя сквозь гостиную, Каменева застыла у окна, глядя на сгущающиеся сумерки, дожидаясь дочери и размышляя, где раздобыть недостающую сумму.

За окном раздался оглушительный грохот, и небо расцветилось тысячами ярких огней. Затем еще раз. И еще. Графиня набожно перекрестилась, проворботав:

— Господи, помилуй! Час от часу не легче! Не хватало нам фейерверков! Еще лес спалят.

Грохот доносился из пустующей усадьбы Григорово, выставленной на продажу за долги. И по всему выходило, что кто-то в отсутствие Татьяны Андреевны купил соседнее имение и нынче празднует новоселье. Закружились тоскливые мысли на тему предстоящего визита в банк с просьбой об отсрочке по закладным. Вероятнее всего, отсрочку не дадут, ибо Привольное уже заложено-перезаложено, и в скором времени имение выставят на продажу, и новые хозяева их усадьбы так же, как нынче в Григорово, будут давать салют в свою честь. Погруженная в невеселые размышления, графиня стояла у окна до тех пор, пока семнадцатилетняя

Вера не ворвалась в гостиную, радостно кинувшись на шею матери. Отстранившись от дочери, графиня холодно спросила:

— Почему ты мне не написала?

— О чем, мама? — округлила глаза девушка.

— Обо всем этом свинстве, — Татьяна Андреевна театрально обвела комнату рукой. — И что отец пропил деньги, отложенные для банка.

— Но, мама, откуда мне было знать? Как только вы уехали, я сразу же перебралась к Сонечке. У них так весело! Каждый день гости! А вчера была новая соседка, Ангелина Лившиц, ее семья на днях поселилась в Григорово. Та самая Ангелина Лившиц! Представляете, мама? Сошедшая с небес дочь шоколадного короля!

История с девочкой-ангелом в свое время наделала в Москве немало шума. Кондитерская Бенедикта Лившица на Никольской улице ничем не выделялась среди прочих заведений подобного рода до тех пор, пока однажды теплой летней ночью под двери магазинчика не подбросили корзинку с новорожденной малышкой. Закутанная в розовые пеленки, крохотная девочка была довольно мила, и обнаруживший ее ранним утром Бенедикт счел это знаком судьбы и решил оставить малютку себе. А развернув пеленки, так и ахнул — на спинке у младенца были крылья!

Падкие до сенсаций журналисты тут же написали этот случай во всей красе, и в кондитерскую на Никольской толпами повалили покупатели, желая лично увидеть то самое крыльцо, на кото-

ром стояла корзинка с крылатой девочкой, и на добряка-немца, удочерившего маленького ангелочка. Хозяин был рад каждому любопытному и не только охотно рассказывал, но и показывал всем желающим крохотную Ангелину — так он окрестил свою названную дочь.

На фоне шумихи вокруг подкидыша бизнес коммерсанта пошел в гору, и вскоре немец открыл несколько новых магазинов в Москве и Санкт-Петербурге. И даже построил кондитерскую фабрику, назвав ее своим именем. Вскоре фабрика Лившица получила мировую известность, ибо владелец ее не только производил отличные конфеты, но и умел их выгодно подать. Изделия упаковывались в красивые коробочки, отделанные шелком, бархатом и кожей, с витиеватой надписью: «Бенедикт Лившиц. Товарищество паровой фабрики шоколада, конфет и чайных печений». Расчет был на то, что эти коробочки, расписанные такими замечательными художниками, как Врубель, Бакст и Бенуа, рачительным хозяйкам будет жалко выбрасывать, и, стоя на полках, упаковки от сладостей послужат напоминанием о фабриканте и его продукции.

С этой же целью выпускались яркие географические карты с подробной информацией об изображаемой стране и непременной фирменной подписью Бенедикта Лившица. Позже в коробки с конфетами и печеньем стали вкладывать коллекционные открытки, составляющие серии бабочек, птиц, рыб, первобытного строя, костюмов народов

мира, художников и их картин. Затем коммерсанту пришла в голову еще более замечательная идея — сочинить для каждого сорта «конфekt» свою музыку, а ноты вложить в те самые красивые коробочки с фирменным логотипом. И вскоре талантливый композитор, специально приглашенный на фабрику, уже сочинял «кондитерские мелодии» — «Кекс-галоп», «Вальс-монпасье» и «Танец какао».

К совершеннолетию Анжелины фабрика ее приемного отца уже имела несколько наград Всероссийских мануфактурных выставок, получила Гран-при на Всемирной выставке в Париже, и Лившиц даже удостоился звания поставщика двора Его Императорского Величества. Бенедикт, слывающий большим оригиналом, был уверен, что удачу ему принесла крылатая дочь. Она часто появлялась на балах и торжественных приемах, и под платьем с неизменно закрытой спиной проступал небольшой бугорок, глядя на который злые языки уверяли, что это совсем не крылья, а горб. Но немец только отмахивался от досужих сплетен — болтайте что хотите, я-то знаю!

Чтобы не прогневать небо, пославшее ему ангела, шоколадный король не скупился на благотворительность. С каждого проданного фунта печенья Лившиц жертвовал пять копеек серебром, из которых половина суммы поступала в пользу богоугодных заведений Москвы, а другая половина — в пользу Немецкой школы для бедных и сирот. Кроме того, в одном из доходных домов, принадлежавших

шоколадному магнату, безвозмездно проживали и столовались неимущие студенты московских институтов.

— И что же, девушка и в самом деле крылатая? — вскинула тонкую бровь Татьяна Андреевна, припоминая историю Ангелины.

Вера залилась румянцем и, пожав плечами, смущенно улыбнулась:

— Не знаю, маменька. Мне показалось, что она просто немного сутулится. Представляете, Ангелина вышла замуж за того самого часовщика, ну помните, Сержа Кутасова! Того Кутасова, что создал единственные в мире говорящие часы!

Увидев недоумение в глазах матери, Верочка торопливо принялась объяснять:

— В газетах писали, что Кутасов сделал часы, которые отвечают на любые вопросы! Вот что ни спросишь, они все знают!

— Всего знать невозможно, даже часам. Что за чушь пишут газеты?

— Вероятно, часы эти какие-то особенные. Может быть, даже волшебные. Впрочем, я не знаю. Я их не видела. К ним очередь стоит через всю Никольскую до самого магазина Лившица, туда не протолкнешься.

— Ну конечно, Кутасов свои удивительные часы в магазине у тестя разместил, — усмехнулась графиня. — Чтобы побольше клиентов заманить. Бог с ними, с часами. Ты лучше вот что, Вера, скажи, коротко ли вы сошлись с Ангелиной?

— Виделись всего один раз. А что, мамочка?

Громко стуча пятками по паркету, мимо пробежала босоногая девчонка, зажигая в доме фитили ламп. Глядя на растрепанную фигуру прислуги, мелькнувшую в дверном проеме буфетной, Татьяна Андреевна приняла решение. Она подобрала юбки и направилась в сторону прихожей, строго распорядившись:

— Одевайся, Вера, поехали!

— Куда, мама? — растерялась дочь.

— В Григорово! Нанесем соседям визит!

— Да нет, ну что вы! — испугалась Верочка. — Я не поеду! С Кутасовым так я и вовсе не знакома.

— Перестань говорить ерунду, — отрезала графиня. — Что тут такого особенного? Мы поедем к соседям познакомиться и по-соседски возьмем у них в долг.

— Как в долг?

— Да, моя милая! — Графиня обернулась и, уперев руку в бок, пристально посмотрела на Веру. — Возьмем у них в долг! И просить будешь ты! На правах подруги Ангелины! Кто она такая? Безродная выскочка! Ей будет лестно, если дворяне придут к ней на поклон. Дочь кондитера не посмеет тебе отказать! Тихон, — растолкала она приказчика, — вели запрягать лошадей!

Через несколько минут сборы были закончены, мать и дочь Каменевы вышли во двор. Смеркалось. Большинство домов Привольного стояли темными, в окнах слабо теплились лишь фитильки лампадок — крестьяне экономили на свечах даже в канун Рождества, и только окна барской усадьбы све-

тились огнями канделябров. Зазвенела цепь, залаял Барон, Татьяна Андреевна и Верочка уселись в сани, и графиня ткнула кучера в бок:

— Не стой, Савелий! Поехали!

— Н-но, развеселые! — прикрикнул на лошадей Савелий, нахлестывая гнедых по бокам.

С трудом перебирая копытами, худые лошадки, направляемые твердой рукой возницы, устремились к окраине села. Переливаясь и искрясь, под полозьями саней серебрился выпавший за день снег. Сугробы лежали пушистыми холмами по обе стороны плотно укатанной проселочной дороги, ведущей к проезжему тракту, тянущемуся от Москвы до самого Архангельска. Бескрайняя белая равнина простиралась на многие версты, заставляя седоков в санях щуриться на снег. Издалека, из-за леса, долетали звуки гармоники и звонкий девичий смех — это григоровские крестьяне в честь новоселья господ устроили гулянья на берегу реки. До усадьбы соседей оставалось всего ничего — проехать мимо леса да пересечь мостик через речку Зыбь, когда вдруг в крики гуляющих вплелся волчий вой, протяжный и жуткий. Возница обернулся через плечо и хмуро обронил:

— Слышите, барыня, как волки озоруют! Надьсь Егорку-охотника с ближней заимки сожрали. Можя, назад поворотим?

Испуганно глянув на чернеющие заросли леса, пролетающие мимо саней, Татьяна Андреевна тоненько вскрикнула:

— *Какой назад! Почти приехали! Гони скорее, Савелий! Гони что есть мочи!*

И, откинувшись на спинку сиденья, крепко зажмурив глаза, громко зашептала, сложив озябшие ладони лодочкой на груди:

— *Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое...*

— *Ничего, барыня, у меня ружжо на всякий случай имеется, — бормотал Савелий, успокаивая не столько графиню, сколько себя.*

Молитве матери тихонько вторила Верочка, пристально всматриваясь в черный перелесок, и ей казалось, что среди деревьев то тут, то там вспыхивают огоньки голодных волчьих глаз.

Усадьба Кутасовых внезапно вынырнула из-за холма, играя в легких сумерках на фоне белого снега кремовой штукатуркой, точно изящная шкатулка слоновой кости на крахмальной скатерти. Особняк окружала величественная кованая ограда, вытянутая ажурной полосой над каменным белым цоколем. Сразу за домом простирался обширный темный парк. Въехав в литые ворота, распахнутые по случаю гуляний, лошади пробежали по утоптанной снежной аллее к сияющему огнями дому и остановились у выгнутой подковой лестницы. К прибывшим тут же устремился вышколенный дворецкий-эфиоп. Несмотря на изрядный мороз, он был в одной лишь зеленой ливрее, шелковых панталонах и туфлях с массивными пряжками.

— *Как доложить прикажете? — учтиво спросил африканец на чистейшем русском языке, по-*